

"Отлично. На самом деле все просто. Это значит "Помоги".

Помочь.

Мысли Атоса вернулись к строкам из Пророчества. Судьбы снова просили о помощи, и, судя по тому, что они говорили и что он видел, они, похоже, были заперты в семени Хаоса, чем бы оно ни было. Более того, Зевс в настоящее время был лучшим кандидатом на то, чтобы завладеть им. Если это не было достаточно безумным, то самоцвет Левиафана, похоже, был как-то связан с ним.

Но зачем Зевсу понадобилось заманивать в ловушку собственных дочерей и когда он вообще это сделал?

На первый вопрос было легко ответить, поскольку параноидальные и недоверчивые наклонности Зевса были хорошо известны во всем космосе. Ведь именно он проглотил Метис, опасаясь, что его свергнет потомство. Что касается второго вопроса, то ответ на него мог знать только сам Зевс.

"Не хочешь рассказать мне, о чем ты думаешь?" - снова заговорил Геракл, и на его лице появилось выражение озабоченности.

"Это... сложно", - ответил Атос, глядя в голубые глаза отца. "Попробуй".

"Хорошо", - вздохнул Атос. "Возможно, ты прав. У Зевса действительно может быть что-то связанное с Хаосом. Возможно, он использовал его для того, чтобы заманить в ловушку Судьбы по неизвестным причинам, и самоцвет Левиафана связан с этим чем-то, что можно назвать семенем Хаоса".

Выражение лица Геракла менялось столько раз, что он стал похож на человека в припадке. Возможно, объем информации, который он сегодня усваивал, был слишком велик, или же борьба с Аполлоном и Дионисом слишком сильно выбила его из колеи. В любом случае, его брови продолжали плясать на лбу, явно выражая то замешательство, которое он испытывал.

"Это невозможно!" - сказал он, частично переварив полученную информацию. Несмотря на спокойный вид, его руки слегка подрагивали. Если то, что сказал его сын, окажется правдой и дойдет до ушей олимпийцев, начнется хаос.

"Эй! Я тоже не знаю наверняка, но все улики указывают именно на этот вывод", - Атос поднял в знак капитуляции свою неповрежденную руку. "Но не может быть иначе, чтобы он украл что-то из другого Пантеона. Да еще у сущности Первобытного уровня".

Геракл нахмурился, понимая, что его сын прав, но все же сомневаясь. Он неоднократно видел Судьбы воочию. Они не выглядели запертыми - не ослабленными в прямом смысле этого слова. Более того, если судьбы находятся под контролем Зевса, то почему Олимп сейчас в опасности? Даже Гея должна была сдерживать свое высокомерие перед судьбами, так как же Зевс мог допустить, чтобы Олимп пал так далеко? Или же Великое Возмущение - всего лишь очередной замысел его отца?

В этот момент Атос издал тихий стон, и глаза Геракла сузились.

"Тебе нужен отдых. Твое тело еще не достаточно зажило. Поспи - это помогает".

"Но у меня так много вопросов", - поморщился Атос, почувствовав, как по правой руке прошла

боль. Он не лгал. У него была целая куча вопросов, на которые нужно было найти ответы. Первый и самый главный из них касался внезапного появления у него аэрокинеза и электрокинеза. Он догадывался, что это побочный эффект ритуала, но почему он не проявлялся до сих пор? Он знал, что у его отца есть ответ на этот вопрос, так как отчетливо помнил тот день, когда впервые встретился с ним в детстве. С тех пор это заявление отца засело у него в голове.

"Вопросы могут подождать, а вот твоё тело - нет. Поговорим позже, когда ты сможешь встать без гримас", - покачал головой Геракл и махнул рукой. Золотистый пол пузыря приподнялся на несколько дюймов и стал мягче, образовав нечто похожее на кровать.

"Спать"

Атос почувствовал, как ветер коснулся его щеки, и открыл глаза, снова оказавшись в незнакомой обстановке. Он нахмурился и сел: правая рука была полностью исцелена и находилась на пике силы.

Он уже второй раз просыпался не в том месте.

Первый раз он проснулся в полной темноте, и это был кошмар. Вероятность того, что это нечто подобное, была высока, но в чем причина таких снов? Сны, в которых, казалось, был заложен какой-то скрытый смысл. Полубоги действительно видели пророческие сны, но что-то подсказывало ему, что все не так просто...

Он посмотрел на свое предплечье, где невинно пульсировала надпись "Ваджраха" - слабый золотистый свет струился вокруг нее.

"....Это будет твой свет во тьме, направляющий тебя - ведущий тебя к тому, что тебе нужно для достижения твоих целей....".

"Лучше бы это было полезно...", - пробормотал он про себя, оглядываясь по сторонам. Его глаза тут же расширились: окружающее оказалось не таким уж незнакомым, как он думал.

Вдали простиралось бескрайнее пшеничное поле, а над ним кружилось калейдоскопическое небо, переливающееся множеством красок. Это было то самое пшеничное поле, на котором он встретил Деметру после того, как узнал о ритуале от Нерее. Он вызвал Левиафана и медленно пошел вперед, его черный плащ и топор, выглядевший, по всей видимости, зловеще, торчали в бурлящем море.

Что касается топора, то он должен был позже изучить драгоценный камень Левиафана. Связь с семенами Хаоса была слишком важна, чтобы ее игнорировать. Возможно, телехины смогут дать ему ответы.

Он отодвинул эту мысль на задний план и стал пробираться вперед. Растения пшеницы, которые раньше доходили ему до груди, теперь едва доставали до пояса, и каждый его шаг раздавливал многие из них под ногами. Через несколько минут в золотом море появилась маленькая коричневая точка. Она выглядела настолько необычно, что ее невозможно было не заметить.

"Раньше здесь этого не было", - прошептал он и, оторвавшись от земли, взмыл в воздух.

Со звуковым ударом он бросился вперед, вытянув руки вперед, рассекая воздух и заставляя море пшеницы расступиться.

"Неужели Моисей существует в этой вселенной?" - подумал он, ухмыляясь. Летать было слишком весело.

По мере приближения к коричневой точке ее пропорции и черты становились все более четкими. Это был длинный красновато-коричневый стол из красного дерева с затейливой резьбой, изображавшей основные события греческой мифологии.

Свержение Титанов, Гигантомахия, Зевс, побеждающий Тифона, Аполлон, убивающий Пифона. Все, начиная с рождения Протогена и заканчивая правлением богов, было изображено с такими поразительными подробностями, что казалось нереальным. Все казалось настолько совершенным, что от этого не становилось менее прекрасным.

БУМ!

Он приземлился рядом со столом, разбросав пшеницу вокруг своих ног по широкому кругу.

"Проклятье!" - прошептал он, когда пыль рассеялась и стал виден стол. Искусство было поистине потусторонним. Он провел пальцами по резьбе, восхищаясь ее красотой, но, обойдя стол наполовину, нахмурился.

На другой половине стола резьбы не было.

Резьба не прекращалась, но была незаконченной, как будто кто-то еще не успел ее заполнить.

ГРОХОТ!

Земля вдруг задрожала, и Атос тут же отпрыгнул назад, подняв Левиафана, но так же быстро опустив его.

Из-под земли появились четыре больших каменных трона, которые пробили землю и остановились, как только полностью всплыли на поверхность. Грязь автоматически сползла с тронов, словно не решаясь запачкать их поверхность, а на спинках кресел появились символы. Каждый из них отличался от другого и излучал свою ауру.

На одном из них были вырезаны молот и кузница. Слышались слабые звуки ударов металла о металл, и Атос почти ощущал жар, выпускаемый троном.

На противоположном конце стола был вырезан коричневый рог изобилия, аура которого постоянно менялась - от огненно-горячей до холодно-холодной, от увядающей смерти до цветущей весны.

По бокам стола располагались два других трона, на одном из которых сидел розовый голубь. От его резьбы исходила чрезвычайно загадочная аура, казавшаяся одновременно мощной и странно чувственной.

Последний трон был, безусловно, самым интересным, и его аура была наиболее ощутимой. На нем был вырезан кроваво-красный символ греческой Омеги, от которого исходили кровожадность и жестокость. От него исходила кровожадность и жестокость, желание

разорвать и растерзать все живое, что окажется перед ним. Первобытный гнев. Жестокость. Смерть.

Глаза Атоса сузились, когда он почувствовал, как аура накрыла его.

Что все это значит?

<http://tl.rulate.ru/book/83311/3213512>